

57. КРАСНАЯ ЕЛЬ

Позвонил мужчина, с деловым намеком сказал: "Про ГОЛУБУЮ ель вы написали, но есть и КРАСНАЯ." — "Где растет?" — спросил я. "В Минске. Может, встретимся?.."

Пока еду на встречу со своим новым героем, напомним о герое старом. О Нине Петровне из деревни Тупка, что под Минском, я рассказал в очерке «Голубая ель». Всю жизнь она проработала дояркой на колхозной ферме. Руки и ноги ее скрутил ревматизм, больное сердце не позволяет пройти более ста метров. За высокие надои ей присвоили звание Героя Социалистического труда. Делиться трудовым опытом Нину Петровну возили в Москву, на ВДНХ, где вручили подарок — голубую елочку в горшочке. Елочку Нина Петровна посадила под окошком гнилого колхозного барака, в котором жила и живет донныне в нищете и забвении. Голубая ель выросла красивой и стройной, как мечта о несбывшейся жизни, как символ издевки государства над человеком.

Мужчина под сорок, туфли которого были почищены, брюки не очень помяты, галстук десятилетнего возраста, речь изредка допускала трясанку, передал мне общую тетрадь в черной обложке. Говорил отрывисто, как подросток, вроде смущаясь.

Нашел тетрадь на газоне у своего дома в минском микрорайоне. "В каком?" — спросил я. "Не важно!" Видимо, была утеряна при переезде, сказал он, у соседнего подъезда его панельного дома грузили в машину пожитки. "Я, может, и не поднял бы ее, возле дома навалом мусора, да тут, гляньте, красиво сделано, кто-то старался, жалко выбрасывать."

На черную обложку аккуратно наклеена белая бумажка, на ней от руки крупно выведено: "ЗАПИСКИ МСТИТЕЛЯ МИКРОРАЙОНА". "А вы прочли?" — спросил я. Он как бы не расслышал, сказал: "Позвоню!" Суетливо попрощался, ушел.

Неизвестный застенчивый мужчина был прав: то, что он без всяких условий мне передал, нельзя выбрасывать. "Записки мстителя" представляли собой серьезный ДОКУМЕНТ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА. Они походили то на личный дневник, то на отчет о проделанной работе.

«Строю дом в красивом месте. Сюда, когда учился в техникуме, приезжал с друзьями загорать. Тут познакомился с женой. До Минска было километров пять, тут им и не пахло. Над чистым озерцом деревенька, пели петухи, на лугу паслись коровы, лес у озера начинался с орешника, дальше сосново-еловый. Тут поставили микрорайон. Мой дом кооперативный, девять этажей, по жребью квартира выпала на четвертом, удобно.

Когда в доме начались отделочные работы, приезжал каждый день. Познакомился с мастером. Говорю, ты мастер и я мастер, давай договоримся, не клейте обои, не прибивайте плинтус. Обои принесу свои, плинтус прибью, когда положу паркет. Хорошо, говорит, какая квартира? Записал. Месяц я караулил. Приезжаю, захожу в квартиру — обои поклеены. Такие — смотреть противно. Ты же обещал, а что сделал? Теперь твое говно мне надо со стен сдирать. А где плинтус? Столярку, говорит, вчера сделали, я сказал бригадиру плинтус не прибивать, сложить в зале, спрашивай у него.

Хожу по этажам, ищу бригадира. Ты плинтус из такой квартиры не прибивал? Не прибивал, спроси у рабочих. Ищу рабочих, все пьяные. Где мои плинтуса? Мужик, мы ничего не знаем, нам что дают, то прибиваем. Спроси у кладовщика, вот в том вагончике. Кладовщик глянул в журнал, на все квартиры плинтуса разнесены. А где мои? Не знает, говорить не хочет. Три дня я искал прораба. Молодой парень, моложе меня лет на десять. Говорит: пошел ты со своим плинтусом, мне твой дом осточертел, все жильцы лезут с советами. И ушел. Ну, ладно, я знаю, что делать.

Иду в недоделанный дом, в такую квартиру, как моя, трехкомнатную, там в связке лежит плинтус, стандартный, нарезанный. Беру связку, тяжелая, тащу. Бежит бригадир, хватается за связку, не дает. Гад, кричу, как бешеный, прочь с дороги, убью этим плинтусом. Наверно, поверил. Я занес плинтус к себе, свалился в прихожей, сердце выскакивает, задыхаюсь, испугался, что тут мне конец.

Оклемался, перекусил ссобойкой. Вставил во входную дверь свой замок. Заезжаю домой, говорю жене, надо сдирать обои. Раз так вышло, говорит, то сначала надо положить паркет, будет пыль. Неделя ушла на паркет. Следил за паркетчиком, кормил, поил. Содрали обои. Куча рвань. Куда девать? Висит табличка, что в мусоропровод не бросать, нет бачков. Топчу обои ногами, связываю веревкой, несую на улицу, смотрю, куда выбросить. Некуда.

Возле дома взошла трава, красиво. На траве охапка обоев, как моя. Содрали и выбросили под себя. Ну, свиньи! Несу обои на стройку, там все разворочено, горы песка. Тут можно сжечь. Сгорели. Пойду, думаю, к озеру, посижу, успокоюсь. Глянь, в воде плавают ошмотья обоев. Выбросили в озеро! Во мне что-то перевернулось и вытекло из души.

Через неделю поставили мусорные бачки. Поздно. Все вокруг дома загажено. Хожу по этажам, прошу народ выйти, собрать мусор. Вышли человек десять. Собрали. Довольны. Ну, теперь чисто. Вот бы так всегда. Ведь очень просто: вот мусоропровод, вот бачки, вот забирает машина. Да где там. Заполненные бачки стоят на тротуаре неделями. Вонь, мухи.

Соседка ходила в ЖЭС, ругалась. Приехал мусоровоз, забрал. Злой мужик из ЖЭСа закатил пустые бачки в мусороприемник. Через пару дней выкатил полные доверху, поставил на тротуар. Стоят день, другой, третий. Соседка говорит, больше в ЖЭС не пойдет, зачем нервы портить. Пошел я. Девушка-диспетчер куда-то позвонила. Приехала машина, бачки разгрузили.

На тротуаре картофельные очистки, бумажки, консервные банки, кости, собачьи кучи. Люди ходят, затыкают нос. За бачками приезжают абы как. Надо делать революцию. Вызвать возмущение масс. Ночью выхожу на улицу, опрокидываю полные бачки у пяти подъездов. Было грохоту. Боялся, чтобы кто-нибудь не выбежал. Утром у дома собрание. Так больше жить нельзя! Надо бороться с ЖЭСом. Туда пошла делегация. Полдня уборщицы собирали мусор у нашего дома.

Навели чистоту. Вижу, выходит с собачкой женщина. Собачка бежит на травку, у подъезда испражняется. Я не выдержал. Женщина, тут вчера убрали, а вы гадите. А вам, говорит, какое дело. Как это какое? Я тут живу. Ну, и живите, не мешайте другим. Опять по тротуару не пройти. Но все ходят. Ночью опрокидываю три бачка. Спешил, чтобы не застучали. Утром произошла вторая мусорная революция. Из ЖЭСа пришли уборщицы, подчистили.

Часто опрокидывать бачки я боялся. ЖЭС мог устроить засаду. Мог участковый. Мусорные революции совершал где-то раз в квартал, пока к ним не привыкли. Уборщицы не приходили. Мусорщик кое-как подчистит лопатой, побросает в машину. А то, что осталось, топчет народ, добавляет еще. Народ к мусору привык, революции бесполезны.

Возле моего дома школа, вокруг нее деревья, газоны, клумбы. Туда собачники выводят четвероногих друзей. Как терпит директор школы? Наверно, он такой же, как начальник ЖЭСа. Ему на стол не гадят, остальное его не волнует. Пришкольная территория в собачьем дерьме, дети бегают, вступают, несут в класс, домой.

Я на фанере написал, поставил на виду: выгул собак у школы запрещен. Фанерку унесли на второй день. Поставил вторую. Унесли. Кто? Собачники. Так особачились, что не убирают дерьмо в лифте, на лестничной площадке. Не могу с ними здороваться. Кажется, что не понимают человеческого "здрасьте". Им понятно: гав-гав.

У себя на хладокомбинате достал неплохих костей с мясом. В рекламном отделе друг дал фирменных этикеток с печатью. Там я написал: ГАВ-ГАВ, набор для собак. Поставил цену, очень низкую. Кости подержал в растворе (название неразборчиво — **А.К.**). Это вещество при употреблении внутрь

вызывает у человека и животного рвоту, понос. Если не лечить, на вторые сутки наступит смерть. Собачью радость расфасовал в пакеты.

У меня есть знакомый, спился, не работал. Говорю, все, что выручишь от костей, твое, сверх бутылка. Тебя подвезут к моему дому, поставь раскладной столик, надень белый халат, быстро продай, сматывайся, в микрорайоне не появляйся.

Кости раскупили за полчаса. Просили привозить еще. Вечером я стоял и смотрел в окно, возле школы собачьих прогулок не увидел. У четвероногих начался понос, гадили в квартирах. Через два дня, в вечернем притемке, я видел, как в лес направлялись кучки людей. Похоронные процессии. Хоронили собак. Об этом говорил микрорайон. Сдохли шесть штук. Остальных спасли ветеринары. У меня разработан план новой войны.

Дом стоит полукольцом. Эхо на улице, как в колодце. Вечером, часов в десять-одиннадцать, начинается артиллерийская канонада. Выбивальщики ковров любят это время. Люди ложатся спать, дети уже заснули, а тут грохот. Один раз я слышал, как кто-то кричал из окна: "Идиот! Перестань! Дай спать!" Выбивальщик кричал снизу: "Сам идиот! Трахайся, а не прислушивайся!"

Площадка для выбивания ковров расположена от дома на расстоянии броска камнем, напротив моей квартиры. Я брал сырое яйцо, выходил на пожарный балкон, бросал в ковер, бежал к себе. Так проучил многих. Риск был, но был и эффект. Война со сволотой закончилась моей победой. Бесцеремонные людишки поняли, за что наказаны. Выбивать ковры ночью у нас перестали.

Машины у меня нет. И не хочется. Даже если бы захотел, с зарплаты не собрал бы. Надо где-то урвать, я не умею. Но они, с машинами, обнаглели. Подъезжают к дому, подключают в кухне шланг, выводят через окно на улицу, моют машину. Да с шампунем. По двору течет река пены. Если человек без понятия, мораль читать бесполезно. Нужно наказывать.

По соседству живет новый белорус. Он, когда выпивает в квартире шапманское или дорогое вино, бутылки ставит возле мусоропровода. Туда не бросает. Смотрите, сколько вина выпил. Я посмотрю, побросаю бутылки в мусорник. Ведь будут стоять неделю, две.

Месяц на лестнице стояли его картонные коробки. Смотрите, мол, купил белую итальянскую спальню. Выйдет на площадку, говорит по сотовому телефону, щелкает семечки, сплевывает на пол, бросает окурки. Моя жена затем подметает. Я подпер коробками его дверь. Понял! Занес картон вниз, там он лежал полгода, размок, превратился в навоз.

Когда он помыл машину, выставил оттуда жирный зад, начал пылесосить, я взял у мусоропровода его бутылку, вышел на балкон, швырнул. Куда попал, узнал потом. В переднее стекло. Разбил вдребезги, напугал до смерти. Он вызвал участкового, составили протокол. Неразбитое горлышко бутылки завернули в платочек, повезли на экспертизу.

Моя операция была продумана. Голой рукой бутылку не брал, на ней обнаружили только его пальцы. Больше он не мыл машину во дворе. А когда подъезжал, смотрел вверх. Вот как надо учить их уважать нас.

Первые годы мы с женой и детьми ходили к озеру, в лес. Дети резвились, им было интересно. Дети не понимали, почему мы с женой делаемся в лесу нервные, кричим на них. На нас действовало то безобразие, что творилось в природе. В озере торчали железобетонные конструкции. Трава на берегу в кострищах, в мусоре. Орешник поломан. Кострища на каждой лесной полянке. Выжжены пни, подпалены сосны. Битого стекла больше, чем шишек. Сидят среди безобразия люди, жгут костры, пьют водку, жрут шашлыки, кашляют от дыма, поют. А дети, о Боже, счастливые. Настоящего леса они не видели. Им лишь бы какой в радость. Обидно за детей.

Долго думал, как отлучить микрорайон от леса. В выходные погожие дни пьяные компании засиживались в лесу до темна. Мужья, жены, дети. Я подкрался, начал сильно шуршать, наступать на сучья, трещать. Вроде в темном лесу движется кто-то большой, злой.

Первыми услышали дети. Мама, там кто-то шуршит. Я зарычал. Дети завизжали от страха. Мамы протрезвели, одна завизжала. Мужики, наверно, струхнули, послушно стали собираться. Через минуту компании не было, даже костер не потушили. Я рыкнул вслед, притоптал огонь, пошел к другой компании. Тонко придумал! Жаль детей, очень испугались. Плакали: мамочка, в лес никогда не пойду, там волк.

Молва о волке облетела микрорайон. На машинке я напечатал и расклеил в подъездах сообщение: "Уважаемые жители! Во избежание встречи с неопознанным объектом просьба временно воздержаться от посещения лесного массива. Администрация." Лес опустел.

Жена знала, что это мое дело. Я не скрывал от нее. Она плакала, говорила, что я чокнутый. Людей не переделаешь, а сам опозоришься. Все видят, что ты волком смотришь. Нам придется переезжать отсюда.

За нашим гастрономом загаженный пустырь. Кому-то из начальства пришла хорошая идея посадить там деревья. Сделать аллею памяти жертв Чернобыля. Накопали в лесу елочек, посадили в два ряда. Поставили камень с табличкой. Я участвовал, сажать деревья люблю, родительский дом в деревне

обсадил со всех сторон. Зайду в гастроном, затем обязательно схожу на аллею. Как там елочки?

Сломали быстро. Торчат пеньки. Спаслась одна елочка. Возле стены гастронома прилепили рыбный киоск, получилось впритык к елочке. Она спаслась. Быстро росла. Зеленая, пушистая. Заглянул один раз — елочка, не поверить, КРАСНАЯ (выделено автором записок — **А.К.**). Горит от красноты. Я таких не видел. Тронул за ветку, посыпались иголки. Красная, значит, сухая. Почему она хорошо росла и вдруг усохла?

Под елочкой, вижу, рыбья чешуя, лавровые листья, черные горошины перца. Все ясно. Выливали рассол. Коммерсанты привозили соленую рыбу в бочках. В киоске расфасовывали. Рассол сливали под елочку. Сначала она отреагировала на рассол как на подкормку, затем подкормка стала ядом. Я специалист пищевой промышленности, знаю. Иголки стали красными от накопленной соли. Гады! Чтоб вы сгорели, как эта несчастная елочка!

В ту же ночь рыбный киоск сгорел. Жена спросила: это ты сделал? Не я. Кто-то такой, как я. Слава Богу, что не я один такой. Тебе же самой не раз хотелось отомстить за то, что из микрорайона сделали большой свинарник. Поклянись, говорит, что не ты. Клянусь нашими детьми, нашим озером, нашим лесом! Нечем клясться, говорит, озера и леса нет, а детей давай спасать, надо переезжать отсюда...»

Застенчивый мужчина, передавший мне черную тетрадь, пока не позвонил. Подозреваю, он и есть мститель микрорайона, сочинивший для меня версию о находке тетради. Знайте: если в вашем пригородном лесу появится "волк", это будет он, жизнью доведенный до бешенства человек. Микромститель с большим потенциалом социальной ненависти. Белорусский партизан двадцать первого века.

Можно с уверенностью утверждать, что новых партизан уже как минимум два: тот, который сжег киоск, и герой моей хроники (коль он поклялся детьми, то верю, что сожженный киоск не его рук дело).

Думаю, жена моего героя тоже не без партизанского менталитета. Во-первых, потому, что муж и жена одна сатана. Во-вторых, переезд не по своей воле в другой микрорайон, насильственная смена школы для детей, потеря уютной квартиры не пройдут бесследно, зажгут мстительный огонек в женской душе. Что касается детей, то можно не сомневаться, что отец и мать воспитают их настоящими партизанами. Так что мщение вскоре станет семейным делом.

О втором мстителе известно, что он способен на более радикальные действия — карать огнем. Известно и то, что он не одинок в методе: киоски,

магазины, дома, фермы предпринимателей горят не только в одном микрорайоне и не только в Минске. Не спят вымогатели, конкуренты, партизаны.

Воинственные ряды блюстителей справедливости, типа моего героя, будут расти. В стране вот-вот начнется приватизация, она традиционно перерастет в прихватизацию. Одни сделаются еще богаче, другие еще беднее. Расслоение наконец-то станет заметным, а не скрытым и по-белорусски застенчивым, как сейчас. Партизанская психика получит нестерпимые побудительные толчки. Партизанская тактика возьмет под прицел еще больше конкретных объектов и субъектов.

Безымянные партизанские записки, переданные мне с несомненной целью опубликования, преследуют более глубокую цель: предупредить, устроить. Графоманы, жаждущие публикации, не бывают анонимами. Скрывает имя и лицо тот, кто в собственной ненависти, пусть даже самой благородной и принципиальной, улавливает свою вину и, следовательно, грядущее наказание.

2002